

монотонное изложение. Таковы описания вечерней проверки войск Феодором II, расположения никейской армии в глухом лесу, когда «дым от множества факелов разъедал глаза», внешнего вида князя Ахайи Гийома Виллардуэна, который в плену был узнан по его большому, выдающемуся вперед зубу, или неудачного бегства фессалоникского деспота Димитрия Ангела от разгневанного мужа, у жены которого он находился, и т. д. (Ibid. I. P. 127. 31—128. 21; 122. 13—22; 170. 12—14).

Акрополит избегал риторической напыщенности, многословия, редко пользовался диалогами и прямой речью. Языковое подражание образованного автора проявилось в заимствовании выражений и образов, особенно из Гомера.

Исторический труд Георгия Акрополита, широко использовавшийся историками второй половины XIII — начала XIV в. Георгием Пахимером и Никифором Григорой, вошел в переработанном виде в большую стихотворную хронику Ефрема и прозаическое сочинение Феодора Скутариота.

Три историка — Хониат, Месарит и Акрополит, пережившие физически и морально падение Константинополя, оставили нам яркую картину рождения и политической жизни Никейской империи. Их социально-политические воззрения были несхожи, их отношение к событиям не равнозначно. «Мемуарность» Хониата, его вера в predeterminedность судьбы как отдельного человека, так и государства свыше, эмоциональные описания событий контрастируют с более реалистично-рационалистическим пониманием истории Акрополитом. У последнего мы находим даже элементы гуманизма: античное (платоновское) понимание роли и образа правителя — философа и воина.

Риторическое искусство, высоко ценившееся в предшествующие столетия Византийской империи, продолжало успешно развиваться и совершенствоваться в новых исторических условиях. Значительное развитие в литературе получил такой риторический жанр, как монодия и эпитафия. Написанные в связи со смертью родных, близких или царственных лиц, они не только несли в себе биографические факты из жизни дорогих автору людей, но и выражали отношение писателя к событиям и явлениям общественной и личной жизни. Это характерно как для монодии Никиты Хониата на смерть братьев своей жены, Михаила и Иоанна Велиссариотов (*Nic. Chon. Orat.* P. 147—169), эпитафии Николая Месарита брату оратора Иоанну, так и для «Надгробного слова Иоанну Ватацу Дуке» Георгия Акрополита (*Acrop.* II. P. 12—29). {66}

Проникновенно повествуя о больших способностях брата Иоанна к писанию ямбов, риторике, геометрии и постижению небесных светил, о его стремлении вести отшельническую жизнь, Николай Месарит считает необходимым вспомнить и о тирании Андроника I, и об идеале общественного служения родине.

Но если в монодии, составленной по всем правилам риторического искусства, Хониат, помимо описания жизненного пути братьев Велиссариотов, стремился привлечь внимание читателя к тяготам и невзгодам собственной жизни, то Акрополит в эпитафии Ватацу желал не только показать значение династии Ласкарисов и образованного ею государства, но и дать рецепт создания идеального положения в империи. Для этого, по его мнению, необходимо прежде всего, чтобы во главе государства стоял император, наделенный воинскими и дипломатическими способностями и широко образованный, т. е. полководец и философ (Ibid. II. P. 27. 25—32, 28. 1—6).

Пристальное внимание к событиям и процессам, происходившим в общественной жизни империи, характерно и для Феодора II Ласкариса, написавшего эпитафию на смерть Фридриха II Гогенштауфена. Почти не касаясь личности германского императора, с которым автор не был знаком, Феодор посвящает свое сочинение рассмотрению положения императора в государстве и его взаимоотношений с подданными. К этой проблеме Феодор обращался неоднократно, в том числе и в энкомии Иоанну III Ватацу, но законченное изложение она получила в еще не изданном труде «Как должны относиться подданные к своим правителям и правители к своим подданным»³⁰, адресованном Георгию Музалону.

В трактовке образа правителя Феодор II оставался на традиционной точке зрения об императоре как представителе Бога на земле. Но, исследуя характер взаимоотношений императора с подданными, автор впервые в истории византийской общественно-политической мысли

³⁰ *Lappa-Zizicas E. Un traité inédit de Théodore II Lascaris // Actes du VIe Congrès international d'études byzantines. 1950. T. 1. P. 120—121.*